

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 340 (47)
ББК 67.1(2)д

МЕСТО Ю.Ф. САМАРИНА В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

Е. С. Беседина

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена Юрию Федоровичу Самарину, выдающемуся, но во многом забытому деятелю русской политической и правовой мысли XIX в. Анализируются его политико-правовые взгляды, особое внимание уделяется его пониманию свободы, отношению к западной цивилизации и роли крестьянства в развитии России. Выделены критерии, позволяющие отнести Самарина к славянофилам. Автор подчеркивает, что, несмотря на славянофильские убеждения, Самарин разделял некоторые идеи с западниками, а его концепция свободы отличалась самобытностью. В статье ставится под сомнение советская традиция причисления Самарина к либералам-реформаторам. Проведен подробный анализ существующих авторских позиций относительно места доктрины Ю. Ф. Самарина в политико-правовом спектре как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Статья раскрывает отношение Самарина к реформам, его поддержку общинного самоуправления и земства, а также его неприятие конституционных ограничений монархии. Особое внимание уделяется критике Самариним коммунизма и его подходу к политико-правовым проблемам в социальном контексте. Анализируются различные определения политической позиции Самарина, такие как «революционный консерватор», «свободный консерватизм» и «теоретик социального равновесия». В заключение подчеркивается оригинальность идей Самарина, его стремление к планомерному улучшению государства через взвешиваемые реформы, основанные на исконных русских традициях.

Ключевые слова: Ю. Ф. Самарин, консерватизм, славянофильское учение, монархизм, Великие реформы

THE PLACE OF YU. F. SAMARIN'S VIEWS IN THE HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT

E. S. Besedina

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is dedicated to Yuri Fedorovich Samarin, an outstanding, but largely forgotten figure of Russian political and legal thought of the 19th century Yu. F. Samarin. The article analyzes his political and legal views, with special attention paid to his understanding of freedom, attitude to Western civilization and the role of the peasantry in the development of Russia. The criteria allowing us to classify Samarin as a Slavophile are highlighted. The author emphasizes that, despite his Slavophile beliefs, Samarin shared some ideas with the Westerners, and his concept of freedom was distinguished by its originality. The article questions the

Soviet tradition of classifying Samarin as a liberal reformer. As part of the study, a detailed analysis of existing authorial positions regarding the place of the doctrine of Yu. F. Samarin in the political and legal spectrum in both domestic and foreign literature is conducted. The article reveals Samarin's attitude to reforms, his support for communal self-government and zemstvo, as well as his rejection of constitutional restrictions on the monarchy. Particular attention is paid to Samarin's criticism of communism and his approach to political and legal problems in a social context. Various definitions of Samarin's political position are analyzed, such as "revolutionary conservative", "free conservatism" and "theorist of social equilibrium". In conclusion, the article emphasizes the originality of Samarin's ideas, his desire for a systematic improvement of the state through thoughtful reforms based on the original Russian traditions.

Keywords: Yu. F. Samarin, conservatism, Slavophile doctrine, monarchism, Great Reforms

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2025\)4.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2025)4.1)

В истории отечественной правовой мысли было много великих мыслителей, в настоящее время забытых. Среди таких имен можно отметить Юрия Федоровича Самарина. Юрий Федорович Самарин — философ, публицист, общественный деятель, государственный служащий и историк. Когда в 1876 г. Самарин скоропостижно скончался, Ф. М. Достоевский напишет о нем: «Есть люди, заставляющие всех уважать себя, даже не согласных с их убеждениями» [1, с. 307].

Кем был Юрий Самарин? Безусловно, Самарин являлся одним из основоположников славянофильства, хотя и тут могут возникнуть вопросы в силу отдельных положений концепции Самарина. В отечественной литературе сложилась традиция при анализе славянофилов в первую очередь упоминать А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, И. В. Киреевского, Самарин же остается в тени своих старших друзей. Его сочинения на протяжении всего советского периода ни разу не издавались. При этом по объему изданных работ, по широте сферы научных интересов и степени участия в общественной жизни он никому не уступает. Можно отметить, что Самарин, в отличие от других славянофилов, имел богатый практический опыт государственной деятельности, на протяжении всей жизни занимал разные государственные должности. Во многом именно поэтому он интересовался общественными проблемами больше других славянофилов, поэтому же проявлял больший интерес к западному развитию. Талант Самарина замечали даже идейные враги, западник Кавелин написал о Юрии Федоровиче: «Самым разносторонним деятелем из вождей славянофильства был Ю. Ф. Самарин. С глубоким знанием философии, богословской литературы и истории он соединял основательное и близкое знакомство с вопросами финансовыми, экономическими и народного хозяйства. Никто не обладал таким даром полемики. Никто не владел лучше Самарина пером» [2, с. 1157].

Юрий Федорович Самарин знакомится со славянофильским кружком в момент написания магистерской диссертации с 1840 по 1844 г., в этот же период сближается с Константином Аксаковым, дружба с которым протянется в течение всей жизни, а также у Самарина устанавливаются особо близкие отношения с Алексеем Хомяковым, который становится его наставником. М. Д. Кузьмина находит в этих отношениях признаки взаимоотношений духовного отца и духовного сына [3, с. 296]. В середине 1840-х гг. Самарин окончательно примыкает к славянофилам — течению, которому служить он будет на протяжении всей своей жизни. Помимо участия в кружке, все творчество Самарина пропитано славянофильскими идеями. Самарин, как и все славянофилы, признавал самобытность России, много писал о необходимости освободиться от западного влияния: «Влияние Запада на Россию наконец-то кончилось, и отныне ее развитие будет „вполне самобытно“» [4, с. 52].

Для Самарина, как и для всех славянофилов, православие — единственный путь, способный вывести Россию, а потом и все человечество на путь спасения. Большую роль в своем учении Самарин отводит крестьянству, которое, в отличие от высших сословий, смогло сохранить в себе национальные черты, избежав западного влияния. Именно поэтому большую часть жизни Самарин положил на изучение крестьянского вопроса, непосредственно принимал участие в проведении крестьянской реформы. В своих работах он подчеркивает особую роль общинного устройства и земского управления. «Община ценна и как единица хозяйственная. Она дает разумную и справедливую основу все-

му экономическому быту. Благодаря ей каждый крестьянин получает долю в мирской земле, пропорциональную и его рабочим силам, и его потребностям» [5, с. 91]. Самарин — убежденный сторонник монархической власти, для него в России не может существовать никакой другой формы правления. «Неограниченное самодержавие — „священное наследство нашей истории“» [4, с. 56]. Философ утверждает, что история показывает: какие бы этапы ни проходил тот или иной народ, будь то войны, конфликты, религиозные расколы, — народы неизменно тяготеют к монархическому правлению.

Несмотря на приверженность славянофильству, отдельные положения его политико-правовых взглядов роднят его с западниками, например отношение к свободе. К.С. Аксаков после смерти Самарина напишет: «Да, Самарин был человек едва ли не самый свободный, самый независимый духом в России, несмотря на то, или точнее: именно потому, что он не был и не мог быть революционером, что он был врагом всякого насильственного посягательства на свободу органического развития» [6, с. 2]. Уже при написании магистерской диссертации, анализируя соотношение церкви и государства, Самарин, абсолютно уверенный в необходимости самодержавия для российского государства, делает акцент на том, что государственная власть должна основываться на признании широкой сферы свобод. Самарин выступает также за свободу слова и печати. Отвечая на критику Александра II позиции Самарина по остзейскому вопросу, он отмечает: «Допуская добросовестную критику, сама Верховная Власть заявляет не только словом, но делом, что нет ее одобрения на действия, хотя бы и прикрытые ее именем, но противные правде и несогласные с общею пользою» [7, с. 7].

Свобода для Самарина является важнейшим условием и в религиозной жизни общества. Он планомерно отстаивает идею того, что полное слияние церковной и государственной власти ведет к ограничению религиозной свободы отдельной личности. Для иллюстрации этого он приводит пример католической церкви, которая, встав над государственной властью, подчинив ее себе, стала использовать методы понуждения, противоречащие самой природе церкви. Правильная модель взаимоотношения церкви и государства, по мнению Самарина, — «это взаимное признание и полное примирение» [8, с. 174].

При этом свободу личности Самарин понимает довольно самобытно. В споре с Кавелиным «о природе русского юридического быта» он написал: «Вы скажете, что это мерило не должно быть навязано, что личность, признавая в нем свой собственный идеал и подчиняясь ему, совершит акт свободы, а не рабства; так, — и следовательно личности предстоит одно назначение: познать свою родовую норму, свой закон. Но для того, чтобы познать его, она должна признавать его существующим. Ей должно быть всегда присуще хотя темное сознание и закона и своего несовершенства, своей неправоты перед ним; а это сознание несовместно с чувством неограниченного полновластия личности и ее значения как мерил для всего» [9, с. 95]. То есть, по Самарину, свобода отдельной личности — это не безграничная возможность совершать любые действия, не тотальная вседозволенность, а акт осознанной опоры на норму морали / религиозную норму и самоограничения.

И.С. Аксаков также писал о Юрии Федоровиче: «Не отделяя понятие о праве от понятия об обязанности и не будучи либералом в пошлом истасканном смысле этого слова, он работал над созиданием русской гражданской свободы, полагая ей в основу личный подвиг общественного служения, потому что, по его понятиям, свобода зиждется и упрочивается только на нравственной почве» [6, с. 3].

Стоит отметить, что Самарин глубоко уважал западную цивилизацию, не отрицал ее заслуг. Не отрицал он и возможности использования западных достижений, однако утверждал, что знания и сведения, разработанные западной цивилизацией, перед внедрением в русский быт должны быть тщательно изучены и отсортированы на те, какие могут принести пользу русскому обществу, а какие недопустимы к внедрению. «Неразумное, безотчетное и преднамеренное отрицание чужого потому только, что оно чужое, при недостатке своего, при внутренней пустоте не поведет к расширению области знаний» [10, с. 208]. Даже в своем первом научном труде «Письмо к члену Камеры Депутатов г. Могену», утверждая самобытность русской цивилизации, Самарин не отрицает использование достижений западной науки и техники. А.И. Васильчиков, хорошо знавший Самарина, произнес на заседании Петербургского Славянского благотворительного комитета: «Культуру других народов он уважал глубоко, потому что он требовал для России именно того условия, которое создало другие цивилизации, — чтобы она вырастала из корней и семян, а не из культурных черенков, привитых к ди-

ким стволам. Это была его доктрина: он боялся ломки народного быта, преждевременного и легкомысленного искажения его коренных начал, но в то же время защищал всеми силами те нововведения, которые вносили свет и жизнь в русское общество, хотя бы они и исходили из чужих краев» [11, с. 2].

Вписать учение Самарина в рамки какой-либо классификации политико-правовых течений затруднительно. Можно перебрать целый ряд определений и характеристик и не отыскать соответствующих идеологии Самарина. Консерватизм Самарина не совсем типичный. Однако в литературе предпринимались попытки назвать Самарина либералом-реформатором, которые нам кажутся скорее ошибочными.

«Как русский, желающий посильно служить моей родине и в мое время, я не принадлежу ни к какой политической партии. Я не революционер и не консерватор, не демократ и не аристократ, не социалист, не коммунист и не конституционалист», — так Самарин писал о своей политической принадлежности [12, с. 117]. Он также называл себя «неисправимым славянофилом».

Самарин воспринимал славянофилов не как политическую силу, а как особую духовную силу в обществе, действующую независимо от государственной власти. В его понимании славянофильство представляло собой целостное мировоззрение, объединяющее главные устремления его жизни: возрождение духовной составляющей русского народа, естественное развитие общества с опорой на национальные традиции и противостояние разрушительным антидуховным и антинародным тенденциям.

В советский период Юрий Федорович Самарин интересовал авторов прежде всего своим участием в разработке крестьянской реформы, однако его политико-правовая концепция определялась как либеральная. Среди работ, в рамках которых Самарин позиционируется как либерал, можно отметить диссертацию Н. Н. Соловьевой «Либеральное дворянство в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1906 г.» [13, с. 14] и статью Е. А. Дудзинской «Общественная и хозяйственная деятельность славянофила Ю. Ф. Самарина в 40–60-е годы XIX века» [14, с. 313].

И все же, несмотря на отношение Самарина к свободе, его стремление к реформам, роднящее его с либералами, назвать его политико-правовую систему взглядов либеральной никак нельзя.

Самарин пишет: «Русский человек, хотя он и не домогается юридического, формального ограничения верховной власти, может быть, так же ясно сознает ее назначение, ее естественные пределы, как и англичанин, вычитавший все это в своей конституции, ибо кто признает определенное назначение власти, тот полагает тем самым ее пределы» [15, с. 61]. То есть для русского человека куда важнее соответствие власти моральным законам, нежели формальным правовым. Пока существует взаимное доверие между монархом и его подданными, а также соблюдаются моральные принципы обеими сторонами, любые формальные ограничения становятся излишними и даже пагубными. Однако сторонники либеральных взглядов не приемлют такой подход: по их мнению, граждане должны иметь четкое представление о границах государственной власти, закрепленных в соответствующих законах. Народ — носитель власти, и передав власть государству (монарху ли, президенту или парламенту), он остается ее носителем.

Еще одна идея, существенно отличающая концепцию Самарина от идей либерализма, — жесткое отрицание индивидуализма. Христианство, по его мнению, зовет к отречению от своей личности и безусловному ее подчинению целому. Над индивидуальным интересом и правом есть более высокий уровень — община; общинный же строй основан на «акте личной свободы и сознания — самоотречении». Таким образом, преодоление индивидуализма осуществляется в акте свободного самоотречения — изнутри, а не извне. «Общинный строй... основан не на отсутствии личности, а на свободном и сознательном ее отречении от своего полновластия» [16, с. 41].

Не свойствен Самарину и особый интерес к отдельной личности, возведение ее в абсолют. Он утверждает, что «на личности, ставящей себя безусловным мерилем всего..., может основываться только искусственная ассоциация ..., но абсолютной нормы, закона, безусловно обязательного для всех и каждого, из личности путем логики вывести нельзя, не выведет его и история» [16, с. 22].

Еще один аргумент против отнесения Юрия Федоровича к либералам: Самарин был противником радикальных реформ, как бы необходимы они ни были. Он считал, что реформа проведена оп-

тимальным образом, если правительство при ее подготовке не переступило пределов практически возможного.

Будучи сторонником общинного самоуправления, «всесословного» земства и народной монархии и самодержавия, Самарин резко отрицал конституционные ограничения власти монарха. Б. Нольде писал: «Юрий Самарин... всю жизнь считал себя земским человеком и был таковым, и в этом смысле был тесно связан с поместным дворянством. Но... он был строг и суров к своему общественному кругу. Он требовал от него принятия точки зрения „улучшения крестьянского быта“, как тогда говорилось, и полного отказа от точки зрения разграничения прав и интересов. Всякое иное течение в поместном дворянстве было для него проявлением ненавистного „барства“, крепостничества. Этот привкус он особенно остро ощущал, встречаясь с теми конституционными течениями, которые начали слагаться в связи с привлечением дворянства к крестьянской реформе. И в этом отношении он сходился с передовыми деятелями того времени. Как и они, дворянскому конституционализму он противопоставлял социальную монархию, и для него не было спору о выборе между ними» [17, с. 119].

Анализируя общие политико-правовые взгляды Самарина, невозможно не упоминать о его отношении к коммунизму. Историческое значение Самарина для развития правовой и политической мысли заключается в том, что он стал одним из первых российских мыслителей, рассматривающих политические вопросы не изолированно, а в тесной взаимосвязи с социальными процессами и явлениями. Рассматривая французскую революцию, он безусловно осуждал «кровавых революционеров», но он и не игнорировал тяготы жизни простого народа, побудившие на восстание. Коммунизм Самарин безусловно не оправдывал, был его противником. Идеи объединения народа, ассоциации, близкие к его проблематике, выражались в уродливой форме коммунизма. Но для Самарина это еще раз подчеркивало необходимость решения существующих проблем.

Хотелось бы отметить довольно интересную позицию Т. И. Скороходовой, определяющую Самарина как «революционного консерватора» [18, с. 45]. Данный термин впервые в оборот ввел сам Самарин, написав одноименную работу. В ней он отрицает необходимость коренных изменений и разрушений общественных и государственных основ, провозглашает потребность обратиться к исконным основаниям. Он подчеркивал важность национальных особенностей и интересов, в русском государстве должна быть русская политика, а не французская или английская.

Политико-правовые идеи Самарина можно поместить также в рамки категории «свободный консерватизм», введенной Владимиром Шульгиным [19, с. 14]. Главными чертами такой идеологии можно назвать приверженность сильной церкви и симфонии властей, незыблемость монархической власти и опоры на русский народ, при этом непринятие предварительной цензуры и провозглашение свободы слова, — все эти идеи можно найти в работах Самарина.

Определяют Самарина и как «теоретика социального равновесия», в 1860-е годы он планомерно отрицал дворянские привилегии в рамках системы местного самоуправления, считал необходимым сближение классов в рамках постоянной современной земской работы. Проект земства, разработанный Самариным, предусматривал равноправные выборы для четырех социальных групп: дворян, духовенства, горожан и крестьян. Однако принцип равенства распространялся не на индивидуумов, а на целые группы. Крестьяне имели право выдвигать своих кандидатов исключительно от имени общины, в то время как дворяне могли это делать только через дворянское собрание. При этом важно было сохранить юридическое равенство между сословиями [20, с. 11].

А. Котов называет Самарина основоположником всего русского модерна, создателем русского направления [21, с. 1].

Иностранные исследователи, в частности Лорен Дэвид Колдер, характеризуют политико-правовую доктрину Самарина как уникальное сочетание монархических и либеральных идей. Такой вывод делается исходя из главной идеи самаринской государственной концепции «народной монархии»: неограниченная личная власть царя в сочетании с местным довольно самостоятельным управлением на уровне общины внизу [22, с. 41].

Г. Хукке при этом подчеркивает принципиальное отличие и самостоятельность идей Самарина от политико-правовых воззрений Аксакова и Хомякова. Его идеи куда ближе к модели европейско-

го просвещенного абсолютизма. Хукке видит в работах Самарина элементы правового государства, при этом параллельно находит его идеи утопическими [23, с. 9].

Таким образом, можно заключить, что политико-правовая концепция Самарина самобытна и оригинальна. В рамках славянофильского кружка Самарин занимает особое место, в отличие от старших товарищей А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, он выводит религиозно-философскую доктрину славянофилов в практическую плоскость. Политико-правовые взгляды Самарина консервативны, наиболее важным элементом их является приверженность самодержавию, недопустимость конституционных ограничений монархии, однако Самарину не чужды идеи религиозной свободы, мысли, земского представительства крестьян и широты полномочий местного самоуправления. Эти отдельные элементы доктрины не свидетельствуют о либеральном характере взглядов Самарина, а говорят лишь о том, что славянофил стремился к планомерному улучшению государства путем вдумчивых реформ. При этом часть предлагаемых изменений реформ была направлена не на появление нового, а на возрождение исконного устройства, существовавшего в Древней Руси. Воззрения Ю. Ф. Самарина стали своего рода переходным этапом от взглядов первых славянофилов к «неославянофилам».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. М. : Институт русской цивилизации, 2010. 880 с.
2. Кавелин К. Д. Наш умственный строй: статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 362.
3. Кузьмина М. Д. Учительство и ученичество в славянофильском общении: переписка А. С. Хомякова с Ю. Ф. Самариним // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 289–297.
4. Самарин Ю. Ф. К члену Камеры Депутатов г. Могену. О двух началах нашей народности, православию и самодержавию // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 49–58.
5. Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его. М. : ЭКСМО, 2003–544 с.
6. Аксаков И. С. Речь о Ю. Ф. Самарине. М. : Лань, 2013. 3 с.
7. Самарин Ю. Ф. Всепокорнейшее письмо к императору Александру Николаевичу I (1867) // Консерватизм: pro et contra; антология. СПб. : РХГА, 2016.
8. Ковальчук С. Н. «Взыскаю истину...»: (из истории русской религиозной, философской и общественно-политической мысли в Латвии: Ю. Ф. Самарин, Е. В. Чешихин, К. Ф. Жаков, А. В. Вейдеман: середина XIX в. — середина XX в.). Рига : Институт философии и социологии Латвийского университета, 1998. 246 с.
9. Самарин Ю. Ф. О мнениях «Современника» исторических и литературных. М. : Унив. тип., 1847. 90 с.
10. Самарин Ю. Ф. Два слова о народности в науке // Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1. Литература и история. СПб. : Росток, 2013. С. 200–210.
11. А. И. Васильчиков В память Юрия Федоровича Самарина. 19 марта 1876 г. М. : Унив. тип., 1876.
12. Самарин Ю. Ф. Русское Балтийское поморье. Вып. 1. М. : Тип. д-ра Ф. Скрейшовского, 1868. 188 с.
13. Соловьева Н. Н. Либеральное дворянство в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г. : автореф. ... канд. ист. наук. М., 1951. 14 с.
14. Дудзинская Е. А. Общественная и хозяйственная деятельность славянофила Ю. Ф. Самарина в 40–50-х годах XIX века // Исторические записки. 1884. № 110. С. 312–333.
15. Самарина Ю. Ф. 1840–1876: Ю. Ф. Самарин. Статьи. Воспоминания. Письма. М. : Терра, 1997. 280 с.
16. Самарина Ю. Ф. Сочинения Ю. Ф. Самарина. М., 1877–1911.
17. Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. Paris: Soc. Anonyme Impr. De Navarre, 1926. 240 с.
18. Скороходова С. И. К вопросу о власти и обществе в политической онтологии Ю. Ф. Самарина и славянофилов // Политика и общество. 2020. № 2. С. 30–49.

19. Шульгин В. Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века: преемственность и развитие : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2009.
20. Медовичева Т. А. Предисловие // Самарин Ю. Ф. 1840–1876. Статьи. Воспоминания. Письма. М. : ТЕРРА, 1997.
21. Котов А. Э. Самарин — основоположник «русского направления» // Тетради по консерватизму. 2019. № 2. С. 13–21.
22. Колдер Л. Д. Политические взгляды Юрия Федоровича Самарина 1840–1864. Нью-Йорк, Лондон : Garland, 1987. 351 с.
23. Хукке Г. Юрий Федорович Самарин: его интеллектуально-историческое положение и политическое значение. Мюнхен : Sagner, 1970. 263 с.